

Павел Алешин
Альфонсина Сторни

Потерянная нежность

Павел Алешин
Альфонсина Сторни.
Потерянная нежность

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36305055

ISBN 9785449325846

Аннотация

Альфонсина Сторни (1892–1938) – самый страстный голос аргентинской поэзии. Голос, вечно вопрошающий о любви, вызывающий к любви, требующий любви, молящий о любви, благословляющий и проклинающий любовь. У поэтессы была непростая судьба, и жизнь ее трагически оборвалась в 46 лет. В этой книге вниманию читателей предлагаются переводы ее избранных произведений.

Содержание

Альфонсина и Море	6
Избранные стихотворения	8
Трепет роз	8
Суббота	9
Твоя нежность	11
Нежная мука	12
Два слова	13
Страх	14
Предчувствие	15
Пой!	16
Спи!	17
Послушай	18
Я	19
Стихи к печали Буэнос-Айреса	20
В этот вечер	21
Потерянная нежность	23
Зарезанные слова	24
Воля	26
Пламя	28
Горный хребет	30
Портрет Гарсиа Лорки	32
Danzón porteño	35
От моего города – твоему городу	36

Альфонсина Сторни

Потерянная нежность

Павел Алешин

© Павел Алешин, 2018

ISBN 978-5-4493-2584-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Альфонсина и Море

Вместо предисловия

Иногда поэт сам становится песней.

Одна из красивейших аргентинских песен «Alfonsina y el Mar», написанная Ариелем Рамиресом и Феликсом Луной, рассказывает о трагической гибели Альфонсины Сторни – самого страстного голоса аргентинской поэзии.

Осип Мандельштам писал в статье о Скрябине, что «смерть художника не следует выключать из цепи его творческих достижений, а [следует] рассматривать как последнее заключительное звено», как последний творческий акт. Из-за неизлечимой болезни и горя от утраты близкого друга Альфонсина покончила с собой. Ночью 25 октября 1938 года она бросилась в море с утеса, хотя у аргентинцев существует легенда, что она медленно заходила в море.

В октябре Альфонсина написала пронзительное предсмертное стихотворение «Voy a dormir» («Я буду спать»):

Я буду спать

Кормилица, чьи руки – травы, зубы —
цветы, чьи волосы – в росе, ты землю
мне приготовь для простыни, из мха же,
из водорослей сделай одеяло.

Ты уложи меня, и спать я буду.
Поставь у изголовья мне светильник;
созвездие; какое ты захочешь:
прекрасны все; чуть наклони пониже.
Покинь меня... Бутоны распустились...
Пусть колыбель твою качает небо,
пусть птица пролетит – и ты забудешь
меня... Спасибо. Ах, еще вот просьба:
звонить он если будет снова, просто
скажи – пусть не звонит, скажи – ушла я...

Спустя несколько лет, на месте гибели поэтессы была установлен памятник, сделанный скульптором Луисом Перлотти.

Смерть поэта – это всегда трагедия, и, как верно заметила Марина Цветаева в письме Райнеру Мария Рильке, – вечно длящаяся трагедия: она – нескончаема и непрерывна, поэт «никогда не может умереть, поскольку он умирает именно теперь (вечно!)». И песня, и стихотворение самой Альфонсины, и памятник ей на берегу, – свидетельство этой вечной трагедии, навсегда соединившей Альфонсину и море, которое она так любила.

П. А. Алешиш

Избранные стихотворения

*Как же мукой вечною не терзаться,
О, скажи, Киприда, когда кого-то
Любишь страстно, видеть всегда желаешь
Рядом с собою?*

Сапфо

Трепет роз

Так нервно розы куст, так трепетно цветет,
что силы тратит все, которыми живет.
Взгляните на цветы, что падают с куста:
их столько – это в них его смерть разлита!
Не станет взрослым он, погибнет он незрелым,
едва цветы его с его простятся телом.

Суббота

Я рано встала и скорей, босая,
в сады по коридорам побежала
с цветами целоваться.

И лежа на траве, земли вдыхала
чистейшее дыханье.

Умылась я в источнике, что канны
цветами окружен, а после расчесала
свои я волосы и надушила
жасмином ароматным руки. Цапли,
изящные, украли золотые крошки,
на юбке что моей остались.

Затем я тонкое надела платье
из тарлатана.

Легко соломенное кресло
до вестибюля донесла я.

К ограде взглядом я своим тянулась,
к ограде взглядом.

Часы сказали мне: пробило десять.

Внутри посуды звон – стекла, фаянса:
столовая в тени, и руки чьи – не знаю – скатерть
расправили уже.

Не видное мне солнце – там, снаружи,
на белом было мраморе ступенек.

К ограде взглядом я своим тянулась.
Тянулась. Я тебя ждала.

Твоя нежность

Я спокойно иду по тропе, и цветут вдоль нее акации,
и дурманят они мне руки снежными лепестками,
и горячий западный ветер с моими играет волосами,
и словно пеною благодетельства души исходят пульсации.

Добрый гений: весь день со мною – благодати твоей
эманация,
один только вздох – и я вечное, и недолгое пламя.
Но душа ведь подвижна – полечу ли и я за мечтами?
На ногах моих выросли крылья и танцуют три Грации.

Ибо руки твои вчера ночью в объятьях моих горящих
кровь мою переполнили нежностью, а затем уст
пьянящих
своих напоил ты уста мои медом душистым.

Таким свежим, что боюсь возвращаться в родное свое
селенье
благоухающим этим рассветом – из-за летнего дуновенья
он слетит с моих губ цветом бабочек золотистым.

Нежная мука

Прах золотой в твоих руках – мои печали.
И жизнь свою в твоих руках я прожигаю.
И нежности мои на них я оставляю.
Я – склянка для духов, которые истаяли.

Какою мукой нежной тихо я страдаю,
когда, с тоской, души разрезавшей мне дали,
я дни все, хоть обманы мне известны стали,
целую губительные руки, прожигаю!

Два слова

Этой ночью ты прошептал мне два слова
простых. Два слова, уставших снова
и снова быть произносимыми. Два слова,
что, старые, новыми стали.

Два слова столь нежных, что, с неба ночного,
луна, просочившись сквозь веток покровы,
замерла на устах моих. Столь нежных два слова,
что пошевелиться боюсь, не решаюсь,
стряхнуть муравья с шеи чтобы.

Столь нежных два слова,
– что говорю, не желая того – о, жизнь так прекрасна! —
столь нежных, столь кроткого зова,
что на тело льют масло душистое словно.

Столь нежных и столь прекрасных,
что нервные мои пальцы,
как ножницы, тянутся к неба тканям атласным.
О, пальцы мои срезать
звезды желают так страстно!

Страх

Так близок твой взгляд был, и страсть тебя жгла.
Как львица, готовая в сердце вцепиться,
Я, преображенная, вдруг замерла.
Луна мне: ... снег, гибель, забыться, забыться...
«Все – пепел, – вскричала я – прах!». Мы застыли,
и статуй, двух бронз, холоднее мы были.

Предчувствие

Я предчувствую, что жить мне осталось недолго.
Голова моя словно плавильная печь,
все очищает и поглощает.
Но без единой жалобы и без всякого страха
я тихо хочу умереть безоблачным вечером,
под ясным солнцем.
И пусть белая змея родится в ветках жасмина,
и, нежная, нежно пусть в сердце меня ужалит.

Пой!

В то время как меня пугает мрак ночной,
а я страдаю, плачу и хочу забыться,
о людях ничего не знающая птица,
ты, со златыми крыльями, ты, птица, пой!

Спи!

Безмолвный мрамор, чьи глаза пусты,
О, ты, в одну смотрящий точку, ты!
Не просыпайся никогда – веками
Спи...

Пока в тебе свои выют гнезда птицы
И сила пробуждается весны,
Безмолвный мрамор, чьи глаза пусты,
Спи же, спи.

Пока вселенная своею мощью
Извечной движет вечные миры,
Ты вечно, о, несчастнейшая форма,
Спи же, спи же, спи...

Послушай

Я рядом прилягу, безмолвно, безмолвно,
в духах вся, в духах, потеряв мыслей нить,
и не будет ни слов у меня, ни желаний,
только буду уметь любить.

Как воды падут, монотонно и грустно,
найду твою грудь, чтобы груз свой склонить
на нее, непосильный, что душу терзает,
и что я не могу объяснить.

И жалости буду просить я, любимый,
и слезы начну я безмолвные лить —
так на город небесные воды спадают
и не могут его изменить.

И грустною ночью, когда ты разлюбишь,
глаза свои вытру я, чтобы уплыть
в те моря черноты, где владения смерти,
и вовеки чтобы – не быть.

Я

Любя, печалью мягкой я таю.
Могу я небо опустить – другого
когда я душу со своей сплетаю.
И пуха мягче я тогда любого.

Никто, как я, так не целует руки,
не нежится в мечтах так не по делу.
И душу нежную такую телу
другому не давали на поруки.

В глазах любимых гибну я, живыми
когда их ощущаю под своими
я пальцами в крылатом их обличье.

Слова я знаю, чары что наводят,
но и молчать умею я, восходит
когда луна во всем своем величье.

Стихи к печали Буэнос-Айреса

Прямые улицы, что серы и унылы,
порой где небо видно, как из-за ограды,
и их асфальт, и их угрюмые фасады
мои мечты весенние лишили силы.

Как много я, не видя, кто идет навстречу,
по ним бродила – как по пасмурной темнице.
Их монотонностью душа моя томится.
И – «Альфонсина!» – не зови. Я не отвечу.

Буэнос-Айрес, если осенью умру я,
когда пленяешь неба синеву благую,
не удивит меня тяжелое надгробье.

Ведь я уже была погребена, пока я
по улицам бродила, что полуживая
река соединила водяною дробью.

В этот вечер

Я в этот вечер
хочу любить далекого кого-то
богоподобного мужчину,
кто был бы птицей, к сладости летящей,
и много женщин было у кого,
кто знал бы о чужих краях, цвели бы
слова чьи на губах, благоухая:
вот участь сельвы девственной под ветром...

Хочу любить его сейчас. Спокоен
и мягок этот вечер, словно мох.
Мой рот и пальцы тонкие трепещут,
и косы расплетаются мои.

Неясный слышу шум... и вся земля
так сладостно поет... И вдалеке
леса, обремененные венцами,
ручьи, из берегов своих что вышли,
чью воды в землю проникают так же,
как и мои глаза в глаза другие,
завороженно грежу о которых...

Но солнце
уж опускается с высоких гор,
и птицы все в укрылись гнездах, вечер

вот-вот умрет, а он – так далеко...
как солнце, что уходит в *никогда*
и оставляет здесь одну меня —
с дрожащими устами, с истонченной
душой, надеющейся на любовь,
благодаря которой становлюсь я
и нежной, и прекрасной...

Потерянная нежность

Если с пальцев моих беспричинная нежность
вдруг слетит, если с пальцев моих... то ее,
эту нежность потерянную, с дуновеньем
эту нежность бесцельную, кто подберет?

Я могла бы любить в эту ночь бесконечно,
я влюбилась бы в первого встречного, но —
никого. Одиноки цветущие тропы.
Ветер нежность все дальше и дальше несет...

Если вдруг поцелуют в глаза тебя, путник,
в эту ночь, а в дыханье ветвей – забытьё,
если пальцы твои вдруг рука мимолетно
вдруг возьмет и отпустит, сожмет, пропадет,

Если руку ту, губы те ты не увидишь,
поцелуй если ветра виденье – и всё,
ты, о, путник, глаза чьи бездонны, как небо,
моей нежности в нем распознаешь полет?

Зарезанные слова

Зарезанные слова,
упавшие с моих губ
нерожденными;
невинные и задушенные,
не увидевшие солнца;
отягощенные желаньями
и переполненные ими...

Изказившие мои уста,
что хотели явить вас,
ставшие омутом пустоты
при паденьи...

Отделенные от моего небесного меда,
сжавшиеся в себе,
в цветущих венках.

Я обескровлена вами
– нерожденными —
сетями самого дальнего и самого близкого,
полумесяцами,
истощенными рыбами,
бескрылыми птицами,
свернувшимися змеями...
Не ведай прощенья,
сердце.

Воля

Опьяненная бабочка,
вечер
кружил над нашими головами,
сужая свои белооблачные
круги,
стремясь к острой вершине
твоих уст,
возвышавшейся напротив моря.

Земля и небо
умирали
в зеленой музыке вод,
не знавших исхода.

Отступала,
рассыпаясь,
стена горизонта,
и собирались танцевать
черные камни.

И меня все манили
круги наверху,
направляя меня к тебе,
словно к далекому источнику,
с которого они сольются.

Но только вечер
испил, медленно,
цикуту
твоих уст.

Пламя

Мой стон зажигает мякоть
божественного сердца,
и его содрогание
превращает в бархат
мох земли.

Янтарь горько-сладкий
выжатым из
цветов лазурных
увлажняет
мои жаждущие губы.

Реки крови
текут с моих рук,
чтобы запятнать
лица людей.
К кресту времени
пригвождена я.

Шум отдаленный
мира, порыв горячий,
испаряет пот
на лбу моем.
Мои глаза, маяки горечи,
высекают таинственные знаки

в пустынных морях.

И, вечное,
пламя моего сердца
поднимается спиралью
освещать горизонт.

Горный хребет

Невидимая рука
ласкает безмолвно
грустную мякоть
катящихся миров.

Кто-то, кого я не понимаю,
смягчает мне сердце
нежностью.

В августовском снегу
раскрывается солнце —
ранний бунтарь —
цветок персикового дерева.

Распростертая на охровом лезвии
горного хребта,
замерзшая
женщина из гранита
кричит ветру
о боли своего пустынного лона:

Лунные
бабочки
ночью
сосут

ее груди
замерзшие.

И на моих веках
растет, более древняя,
чем мое тело,
слеза.

Портрет Гарсиа Лорки

В поиске внутренней силы
лобная
область смещается
вправо
и влево.

И в завихрении
лицевом
устанавливается
занавес с того света,
выгибаясь и расширяясь.

Животное
воет из носа,
намереваясь обрушиться,
разъяренное.

Грек прорывается
из очей его отдаленных.

Грек,
что заглушает, обвивая
андалузские холмы
его скул
и трепетную долину

его рта.

Гортань его скачет
из пределов своих,
требуя
полумесяц-наваху
вод остроконечных.

Разрежьте ее,
с севера на юг,
с востока на запад.

Пусть летит голова,
голова одинокая,
раненная волнами морскими,
черными...

И с висков завитки сатира,
пусть опадают,
словно колокольчики
на лицо —
античную маску.

Заглушите в ней
музыку леса,
пещерную,
укрытую
в носовых катакомбах.

Освободите его от нее,
и от рук его нежных,
и от землистого тела.

Но только разломите в ней,
перед тем, как запустить
в пространство,
дуги бровей его – мосты меж океанами —
Атлантическим
и Тихим.

Чтобы там, где глаза, —
корабли блуждающие,
кружились, не зная
ни гаваней,
ни берегов.

Danzón porteño

Была я виноградом желтым смерти
опьянена твоим, Буэнос-Айрес,
что ты выращиваешь на закатах,
на западе, на берегах холодных,

увидела я черный твой Пуэнте Альсина,
бандонеоном сжавшийся, и танго
твое, что среди волн Риачуэло
поломанные шлюпки танцевали.

Змеились волны ядовитой кровью,
и вместе с ними ржавые притоны
и мрачных фабрик скученные блоки

вздыхали, и из труб их доносились —
из недр их, из их грудей голодных —
незатишающие корчи плача.

От моего города – твоему городу

На другом берегу Рио-де-ла-Плата—
ты...

Задевая головки
звезд
моя мысль,
лунная слюна,
от меня – к тебе
плетет свое полотно.

Полотно невидимое,
что висит навесом
над городами – моим и твоим,
тенью
над куполами...

Тенью, что могла бы
камни разломить
на плесень любви!

От моего сердца – к твоему сердцу,
тянется, широкое и свободное,
сея любовь, решето...

Я привязываю его кончики

к кончикам твоих волос;
я ловлю клубок
твоих ног;
бросаю якорь в твои глаза —
в черное море...
Он еще падает:
я касаюсь кораллов твоих вен.
Теперь отдыхаю —
и утверждаюсь.

Но вот Рио-де-ла-Плата,
паук ядовитый, теперь,
паук
водяной,
поднимает землистые лапы,
чтобы порвать полотно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.